

Т.А. Богданович

Суд над колдуном

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Т11

Т11 **Т.А. Богданович**
Суд над колдуном / Т.А. Богданович – М.: Книга по Требованию, 2025. –
166 с.

ISBN 978-5-519-72488-3

ISBN 978-5-519-72488-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЗАБРАЛИ ЛЕКАРЯ

Еле свет забрезжил. Все ворота в Москве заперты накрепко. Посмотреть на улицу — одни досчатые заборы тянутся. Домов не видно. Кто не знает, и не догадается, что во дворах на Тверской и в Белом городе — расписные боярские хоромы. Людей тоже никого не видно. Караульные и те не колотят в била. Под утро все позасыпали. Не слышат, что по Тверской целая толпа топает.

Впереди два подъячих ¹, в рыжих кафтанах, с чернильницами у кушаков, с гусиными перьями за ухом. У одного, что постарше, в руке свиток. За ними стрельцы, человек десять, с пищалями ², заспанные, хмурые.

На перекрестках еще надолобы ³ не сняты. Надо караульных будить. Правда, как добудятся, скажут, что по государеву делу, караульные сразу отодвигают длинные козлы. Да и время. Утро наступает. Верно и городские ворота уж открыли.

¹ Подъячими назывались младшие служащие в учреждениях.

² Пищали — ружья того времени.

³ Бревна на подставках, которыми задвигались на ночь улицы, чтоб нельзя было пройти незаметно для караульных.

Подошли. Нет, и ворота заперты. Караульный прикорнул на лавочке, спит.

Еле глаза продрал, как его стрелец за ворот стал трясти.

— Что за люди? — спросил было со сна. А как разглядел, что люди государевы, и разговаривать не стал, вытащил ключ из-за пояса, отомкнул тяжелый замок, налег на чугунный засов, отодвинул и отпер ворота. Заскрипели они на всю округу.

Пошли дальше по той же Тверской. По ней и по ту сторону ворот в Земляном городе не плохо. Хоть и осень, грязь, а поперек улицы бревна настланы — сапог не замараешь. Разве нога соскользнет или бревно гнилое подломится.

А вот как за Земляной вал вышли и взяли влево, к Канатной слободе, грязь пошла чуть не по колена, а настилов никаких. Благо еще не далеко слобода.

Шли они к попу Силантью, а где он жил, и сами не знали. Ну, да на слободе вставать уж начали, было кого спросить. Ворота скрипели, мальчишки выскакивали на улицу, бабы на базар с яйцами, с пирогами собирались.

— Эй, баба! — окликнул подъячий торговку с лукошком яиц. — Где тут двор попа Силантъя? Ведаешь?

— Как не ведать. Да вон за плетнем-то. Вон тесовый забор, новый. То и есть попа Силантъя.

Сказала и сама за ними вслед пошла. Мальчишки тоже набежали целой стайкой.

Подошли к воротам, а тут как раз калитка отворилась. Навстречу им мужик выходит, борода лопатой, лицо широкое, красное. На голове бочонок, в руке жбан. Увидал подъячих — остановился.

— Это что ль попа Силантья двор? — спросил старший подъячий.

— Попа Силантья, как есть, — ответил мужик. — Вон и сам он на крыльцо вышел. Кликнуть что ль?

— погоди. Нам попа не надобно. А ведаешь ты, живет тут, во дворе, лекарь, Ондрейка Федотов?

Мужик поставил на землю бочонок и жбан и радостно хлопнул себя по бедрам.

— Ондрейка! Да как мне не ведать? Другой год под им в подклети живу. А он, стало быть, в клети. И с жонкой, с Оленкой. Квас у меня завсегда покупывает. Лекарь он точно.

Поп тоже подошел поближе и с опаской поглядывал на подъячих. Бог их ведает, за каким делом. А вряд ли за добрым.

Подъячий повернулся к попу.

— У тебя что ль, поп, тот Ондрейка избу сымает?

— Летошний год после большого пожара снял. И поручная¹ у меня по ем есть. Без поручной я жильцов не пускаю. Може, принести?

¹ Поручительство, что жилец не украдет, не подожжет и будет платить условленную плату. Давали поручную за своими подписями бояре или купцы, известные в городе.

— Не надобно.

— Аль дурно за им какое объявилось? Ране и не ведал его. С Китай-города торговый человек летошний год прислал мне его и с поручной со своей.

Квасник все на месте топтался, головой качал. Наконец не стерпел.

— Да ты меня спроси, — обратился он к подъячему. — Я про его все доподлинно ведаю. Что хошь расскажу.

Младший подъячий толкнул другого в бок и захохотал:

— Вишь, набивается! Что ж, Бориско, заберем и его. Коль ему такая охота припала.

— Куда заберешь? — осекся квасник.

— А в Приказ ¹, в послухи ². Там про того Ондрейку и сказывать станешь, коль ты все его дела ведаешь. Как звать-то тебя?

— Пошто в Приказ? Я тебе тотчас все скажу. Прошкой меня-то звать. Охабкин по прозванью. Квасник я. Да меня вся слобода знает. Квас у меня ото всех отменный.

— Ладно, — оборвал его подъячий. — Помалкивай покуда. В Приказе сказывать будешь. Эй, робята, обратился он к стрельцам. — Покарауйте его. А ты, поп, води нас к тому Ондрейке Федотову.

¹ Приказами назывались правительственные учреждения. Здесь говорится о Разбойном приказе, где судили воров, разбойников, колдунов.

² Послух — свидетель.

Два стрельца схватили за плечи квасника.

— Да ты, погодь, -- говорил Прошка. — Послухай ты меня...

Но подъячие не слушали его больше. Поп вел их через двор к дальней избе.

— Вон и хозяйка его, Олена, — сказал поп, и показал высокую костистую женщину, сходявшую с крыльца с ведром. — Олена! — крикнул он. — Ондрейка где? По ем тут вон пришли.

— Пошто по ем? — с испугом спросила она. — Спит Ондрейка. Не будила еще. А пошто?

— Велено его в Разбойный приказ привести, — сказал подъячий.

— В Разбойной! — крикнула Олена. — Да ты с ума сбред! Чай не вор он, не душегуб. Лекарь ведомый. Не дам я Ондрейку.

— То-то дура баба, — проговорил подъячий. — Спросили тебя? Сказано приводом привести, стало быть, приведем.

— Ты, Олена, не того, не перечь лутче, — заговорил поп. — То приказные люди. По государеву указу они. А государева указа послушаться — то грех. А, може, дурна-то никакого и не будет. Поспрошают лишь Ондрейку да домой и пустят. А по какому то делу, дозвошь спытать?

— В Приказе сведаешь, — сказал старший подъячий. — Тебя тож велено забрать. В послухи.

Олена тем временем быстро взбежала по лестнице. Подъячие и поп шли за ней следом.

Войдя в горницу, Олена бросилась к лавке, где, накрывшись охабнем ¹, спал Ондрейка.

— Ондрейшкка! — крикнула она. — Вставай, по тебе пришли.

— От Одоевского князя что ль? — спросил лекарь, быстро сядя на лавке.

— Пошто от Одоевского. Чай помер княжич-то. Вишь, приказных нанесло.

Ондрей быстро спустил ноги с лавки и стал натягивать сапоги.

Старший подъячий, как вошел, оглянул горницу. Все как у людей. Бедно лишь. На лавке под окнами и полавочников ² нет. Голые доски. Лампадка перед иконами теплится. А на поставке в углу, где б горшкам да плошкам стоять, скляницы разные наставлены да белеет что-то, не то камни, не то кости — темновато еще, не разобрать.

— Ты что ль Ондрейка Федотов, лекарь? — спросил подъячий.

— Лекарь я. То так. Аль занедужил чем?

Второй подъячий снова захохотал:

— Занедужил! Сам, мотри, не занедужай! В Приказе-то чай все косточки переберут.

Ондрейка смотрел на подъячих, не вставая с лавки. Волосы на голове у него спутались, борода слежалась на сторону.

¹ Верхняя широкая суконная одежда.

² У людей побогаче лавки покрывались кусками сукна, называвшимися полавочниками. У богатых полавочники бывали и из шелка или парчи.

— Вставай ин скорей. Тотчас велено в приказ доставить, — сказал сердито старший подъячий.

— В приказ? — спросил Ондрейка. — Пошто? Може, посла? К соседке я посулил утром быть рано. Что не разбудила меня, Олена? — обратился он к жене. — Мальчонка шибко занедужил у ей, вовсе ножки отнялись.

— Сказано — в Разбойной приказ велено тебя привести. Какой мальчонка? Дурень прямой! В толк не возьмешь! Эй, робята, — сказал подъячий стрельцам, топтавшимся в дверях. — Вяжите ему руки.

— Пошто вязать? — крикнула Олена. — Лиходеи вы! Убегёт он что ль? Ондреюшка, родной мой! Отколь напасть такая? Аль поклеп кто взвел? Батюшка! Заступи хоть ты. Чай ведаешь. Дурна за им никакого нету.

— Как мне ведать, Олена? Моя изба чай не близко.

— Гони, гони его скорей, — торопил подъячий. — Чего зря язык трепать? И ты, поп, с нами подь, в Приказ.

— Я что ж... Я, как велено... — заговорил поп.

Стрельцы уже закрутили Ондрейке сзади руки и погнали его в дверь. Олена шла за ним, утирая слезы.

Сошли с лестницы.

— Ну, и гони скорей. Кажись, всё, — сказал подъячий и заглянул в свиток ¹. — Э! — проговорил

¹ В то время писали на полосах бумаги вершка 4 в ширину. Полосы склеивали друг с другом, так что получались длинные полосы, иногда в несколько аршин, и их свертывали трубочкой. Такая трубочка называлась свитком.

он. — Запомню было вовсе. Тут про ученика про ево писано, про Афоньку Жижилина. Тоже чтоб взять. У тебя что ль живет Афонька тот? — спросил он Ондрейку.

Но Ондрейка стоял на крыльце, свесив на грудь лохматую голову, словно и не слышал ничего.

— У нас, — проговорила нехотя Олена.

— Где ж он?

— А послала я его поутру в ране дров нарубить. С той поры и не видала.

— А вон он в крапиве хоронится, — сказала толстая баба, которая стояла рядом с квасником. — Как стрельцов завидел, так и схоронился.

У самого забора, в густой рыжей крапиве проглядывала белая рубаха.

— Эй, ты, Афонька! — крикнул подъячий. — Вылазь что ль.

В крапиве не шелохнулось.

— Волоки его, робята, — сказал подъячий стрельцам. — То-то дурень! Гадает, не видать его.

Трое стрельцов побежали к забору, раздвинули пищалями крапиву. Там на корточках, весь съежившись, засунув голову между колен, сидел парень в белой рубахе, босой.

Стрельцы схватили его, встряхнули и выволокли из крапивы. Парень ревел, упирался, дрожал всем телом.

Кругом захохотали. Во двор набралось за то время много народа со слободы. Каждому охота

была узнать, чего к попу Силантью целое войско нашло. Может, какой лихой человек забрался да и забился куда, благо двор просторный, да и строений не мало.

— Ты что ль Афонька? — спросил парня подъячий.

Но Афонька только зубами стучал, слова вымолвить не мог.

— Да самый он и есть Афонька, — заговорила опять толстая баба. — Ведомый вор. Намедни курицу у меня уволок. Тать прямой. Видно хозяин-то добру научает. Тоже лекарь зовется!

— Ты погоди, Мавра, — перебил квасник. — Я сам все про его, про Ондрейку, сказывать буду. Я....

— Помалкивай ты, — оборвал его подъячий. — Сказано, в приказе спрос тебе будет. Вяжи парня, робята. Да и бабу-то прихватить надобно, что про ево молвила. Чья та баба?

— А моя хозяйка, Мавра, — заговорил опять квасник Прошка. — Да чего она понимать может? Баба! Я сам все скажу. Я про все дела ондрейкины доподлинно ведаю. Ты меня спроси. Я под им...

— Уймись ты, балда. Не переслушаешь! Гоним их, робята. Поздо чай. Ободняло вовсе.

— Эй, ты, плакун! — крикнул веселый подъячий Афоньке. — Кафтан-то у тебя есть? Вишь, колотит тебя. Мотри, из рубахи не выпрыгни.

— А вон кафтан ево, — сказала толстая баба. — Коло дров, где рубил.

Один стрелец добежал до дров, поднял обтрепан-